

В молодости я приобретал чуть ли не все поэтические сборники, которые попадались в книжных магазинах, и радовался, открывая для себя интересных авторов. Рассказывал о них друзьям. Так однажды я показал сборник «Дни» Давида Самойлова, изданный «Советским писателем», редактору молодежных программ Благовещенской студии телевидения Анатолию Чернышову, и он неожиданно предложил: «Давай сделаем передачу о поэзии». Я тут же согласился.

Передачу называли «10 минут поэзии». Я писал текст, представляя книгу и ее автора, отмечал наиболее понравившиеся стихотворения; подбирался видеоряд — рисунки, фотографии; актеры в прямом эфире все это озвучивали и показывали. Передача выходила раз в месяц и просуществовала больше года, а потом Толя уехал из Благовещенска...

Помню некоторые сборники, передачи о которых были на телевидении: «Винтовая лестница» Петра Вегина, «Некошенный дождь» Бориса Примерова, «Атланты» Александра Городницкого, «Оклик» Владимира Михалева. Так случится, что с тремя последними из перечисленных поэтов я много позже встречусь и познакомлюсь: с Примеровым в Москве, с Городницким в Питере, с Михалевым на Белгородчине, с Владимиром Васильевичем мы даже подружимся.

А тогда я купил сборник «Моими глазами» («Советский писатель», 1966). Имя автора — Павел Мелехин — мне было незнакомо. На обложке — довольно аляповатый рисунок — лицо то ли девушки, то ли длинноволосого парня. Фото автора, молодого человека в костюме и при галстукке, — ну, совсем не поэтический образ. Скупая аннотация: «Это — первая книга стихов Павла Мелехина. Стихи молодого поэта публиковались в областной и центральной прессе. Они привлекли внимание читателя своей оптимистичностью, жизненной достоверностью, яркими поэтическими находками. П. Мелехин воспевает среднерусскую природу, пишет о городе и деревне, славит романтику освоения Севера, зорко видит приметы нового в отношениях между людьми, звучно и задорно говорит о любви и дружбе».

Прочитал первое стихотворение — и оно меня прямо как током пронзило:

Как много хорошего нами увидено
Глазами Есенина,
Глазами Уитмена!
Иду за титанами — это не тайна! —
И на ночь на кухне сажусь у титана.
Опять мне сегодня соседкой позволено
Описывать мир до рассвета по-своему.
Стихи не моими пока получают.
То немые,
То слишком они поучающи.
То ямбы — как ямы,
То ритмы — как рывины,
То явны-преявны приемы Уитмена!
Земля золотеет — заря занимается.
Рука тяжелеет, и ручка ломается.
Черкаю. Клочкую гектары гекзаметров,
Кручу себе чуб. Бормочу как факир.
Я очень хочу, чтоб моими глазами
Когда-нибудь люди взглянули на мир!

Да это же мое! Мои мысли, чувства, стремления, только выраженные другим человеком. Сергей Есенин и мой любимый поэт. Стихи Уолта Уитмена я недавно прочитал в переводах Корнея Чуковского и был поражен их оригинальностью. У титана, только не на кухне, а в ванной и я сижу ночами, пытаюсь что-то сочинить, и тоже очень «хочу, чтоб моими глазами когда-нибудь люди взглянули на мир». Ни о чем другом я и не помышлял, начиная складывать слова в стихотворные строки. По этой книге я подготовил передачу «10 минут поэзии».

Сборник «Моими глазами» у меня чудом сохранился. На страницах пометки. Какие же стихи и строки тогда особенно привлекли? «Вот такая она, героика...» — понятно, в 1970-е годы таежная и геологическая романтика была, как бы сказали сегодня, в тренде. «Толстяк гитарил напоказ...» — в этом стихотворении подчеркнуты последние строчки: «А я готов был в круглый рот расцеловать гитару...» А еще стихотворения «Девчонку обокрали на вокзале...», «Пустяки... Перезимуем...», «На негативах я седым-седой...», «Распахнуты и суша, и моря...». В стихотворении «Ехидные туманы по-мещански...» отмечены последние строки: «Мне был бы хлеб. А музыку я сам, // А музыку я сам свою создам». В следующем за ним — первое четверостишие:

Нас кормит жизнь, а не искусство,
А я в искусстве с головой,
И оттого бывает скучно
С едой и прочей ерундой.

А вот около последнего стихотворения — три восклицательных знака, оставленные моей рукой:

Женщина рожала в самолете —
Высоко-высоко над землей.
Словно золотистый самородок,
Появился мальчик у нее.
На руках у храброй стюардессы
Он кричал в конверте из платка.
Так кричал, что в синем поднебесье.
В сторону бросались облака.
Так кричал, как будто знал до срока
Неотлаженность земных систем,
Что ему, рожденному высоко,
Там, внизу, придется как и всем...
И любовь, и хлеб обыкновенный, —
Словно он предвидел наперед...
И качался посреди Вселенной
Деревенской люлькой самолет...

Редактором сборника значится Владимир Семакин. О нем как недооцененном поэте в свое время мне говорил поэт-фронтовик Виктор Иванович Кочетков. С Семакиным дружил Николай Иванович Тряпкин и даже посвятил ему стихотворение. Как редактор Владимир Кузьмич был, вероятно, грамотным и добросовестным, «открыв» и «закрыв» книгу Мелехина, пожалуй, лучшими его стихотворениями.

2

«27 сентября 1982 года. В пятницу был у Володи Молчанова. К нему приехал Павел Мелехин, первая книжка которого «Моими глазами» произвела на меня ошеломляющее впечатление, да и сейчас многое в ней нравится», — такие строки остались в моей записной книжке. Постараюсь оживить память, рассказать о встрече поподробней.

В мае того года я перебрался в Белгород, познакомился и подружился с Владимиром Молчановым, он в то время руководил областным объединением молодых литераторов (была такая должность при обкоме комсомола). Павел Мелехин приехал, как он сказал, по командировке журнала «Юность», чтобы написать очерк или статью о председателе колхоза «Память Ленина» Василии Панове.

Оказалось, что Павла вполне можно было назвать белгородцем, хотя он родился и провел детство в селе Большевка Курской (сейчас Липецкой) области. Но учился он в геологоразведочном техникуме в Старом Осколе, жил и работал в районной газете в Губкине. Был в дружеских отношениях с Владимиром Михалевым, Игорем Чернухиным, Николаем Перовским и другими поэтами-белгородцами, а его стихи впервые были напечатаны в областной молодежной газете «Ленинская смена».

...Мы пожали руки. Я рассказал, как подготовил передачу на телевидении по его сборнику, сказал, что книга у меня сохранилась, посетовал, что не взял ее с собой — автограф бы получил. Павел слушал, как показалось, с интересом, на его угрюмом лице появилась сдержанная улыбка. Потом спросил: «Так ты дальневосточник? А Павла Халова знаешь?» Ответил, мол, лично не знаком, но когда был в Хабаровске на совещании-семинаре молодых литераторов Дальнего Востока, его несколько раз видел. Поэт продолжил: «Халов однажды, когда я был нищим студентом Литинститута, в ЦДЛ дал мне двадцать

Павел Мелёхин

пять рублей. А ему в свое время подарил «четвертак» Павел Антокольский. Когда я получил первый приличный гонорар за «Моими глазами», тоже осчастливил молодого поэта Павла...» Мелехин назвал фамилию, но я ее не запомнил.

На следующий день мы втроем поехали в колхоз, председатель прислал машину. Мелехин и Панов встретились как старые друзья, обнялись. Беседа проходила за столом, на котором лежал огромный разрезанный арбуз и другие деревенские яства, естественно, стояли бутылки. Но Павел не выпил ни стопки, как впрочем, и в гостях у Молчанова. Беседа была живой и интересной, мы читали стихи, а Павел слушал. Хозяин попросил и его что-то прочитать, но поэт отказался, мол, он сейчас о прозе думает, то есть о будущем очерке в «Юности». Не знаю, написал ли он материал в журнал, был ли тот опубликован, но поездка запомнилась.

В то время я работал в редакции районной газеты «Знамя», ее редактором был Юрий Чубуков. Ему-то я и рассказал о знакомстве с Мелехиным. «А Пашка мне звонил, — сказал редактор. — Я ведь его открыл как поэта, когда он еще учился в Старом Осколе». И еще заметил: «Пашка пишет легко, а вот Коля Перовский тяжело, долго мучается над стихами». В свое время Мелехин и Перовский жили на Белгородчине, дружили и после, когда один оказался в Подмосковье, а второй — в Орле. Николай оставил о друге воспоминания, опубликованные в его книге «Журавли не только улетают...» (Орел, «Вешние воды», 2009).

Сборник «Дневник души» («Советский писатель», 1982) я прочитал уже после смерти Павла, она случилось 23 декабря 1983 года. Читал его, стараясь найти стихи, которые отвечали бы на три вопроса: насколько поэт «поднялся» над первой книжкой и какие строки могут, по моему мнению, остаться в отечественной литературе; есть ли в книге какие-либо белгородские мотивы; предощущал ли он свой трагический уход и что оставил нам как завещание.

Несомненно, «Дневник души» — самая зрелая книга Мелехина. Профессионализм и мастерство в ней достигли совершенства. Может быть, несколько снизился эмоциональный накал и задор, но зато пришла философичность; образы, метафоры, сравнения и другие литературные приемы стали точнее и оправданнее; *о чем* сказано и *как* об этом сказано находятся в гармонии. И сегодня многие стихотворения читаются, как будто написаны в наше время и не потеряли свою значимость. Это триптих «Стихи о матери», «То не звезды блестят с косогора...», «Эта милая мова...», «Так — не так — не стоит перетакивать...», «Я унаследовал как стойкость...», «Гадалка на базарчике симбирском...» (с посвящением Егору Исаеву) и «Не впечатленья мимолетные...» (с посвящением Валентину Распутину)... Я отметил более десятка. Заинтересованный, внимательный и вдумчивый читатель поэзии, возможно, выделит другие тексты, но суть одна — есть, есть в книге долговечные строки!..

И о белгородских приметах. В сборнике опубликованы стихотворения, посвященные белгородским поэтам, в частности Владимиру Молчанову:

К автостраде тропа не подходит,
А смелей и прямее борозд,
Расцепившись, ныряет под холмик
И в корнях исчезает берез.
Убегает тропа через пажить
От меня, от приезжего, вспять.
Скоро, скоро ее перепашут,
Чтоб ровнее входила опять.

А вот строки другого стихотворения о, пожалуй, самом пронзительном белгородском поэте Александре Филатове:

Вожу философа Филатова
По целым дням — и сверх того —
С угрюмым видом виноватого
За обезноженность его,
За эту горестную истину,
Что не дает во всякий миг
Вслед за коляскою шажистее
Ступать мне на своих двоих.
.....
Не может радоваться солнце,
Покуда зыбь в сплошном свинце,
И не просвечивает донце
На этом Северском Донце!..

Он был инвалидом, передвигался на костылях и коляске, но своей жизнерадостностью и оптимизмом поддерживал многих. В то время между Володей и Сашей случился разлад, а Павел дал понять, что оба ему дороги и как бы примирил их на страницах своего сборника. Жаль, что ни тот, ни другой тогда этого не поняли.

Теперь о пророчестве и завещании. Цитирую:

Меня не стало на земле,
И нет меня на ней три года,
И, словно в песне на селе,
Жена нашла себе другого.
.....
Как я ни тешусь тем, что жил
И верил в дружбу и удачу,
Системою отпевших жил
Я чую, как я мало значу.
Там, наверху, в начале дня
Невзрачный холмик средь пустыни
И дух, покинувший меня,
Витающий в кустах полыни...

И еще:

Был Павлом на земле родной
И никогда не буду Полем,
А стану им — не с прописной,
А с малой буквы — просто полем.
Веселым огоньком цветка
В пространствах матери-России,
На все посмертные века
Избавленным от ностальгии.

А эти восемь строк завершают «Дневник души»:

Нежно грустен и горестно рад,
Ко всему устремляясь навстречу,
Чей наступит рассвет иль закат,
Я — представь себе — и не замечу.

Я в одно углублен, может быть,
В поединке меж тьмою и светом:
Вас

самим же себе возвратить, —
и мы с вами простимся на этом.

И еще четверостишье:

Чтобы в руках моей родни
Цветы утраты не увяли,
А остальным живым они,
Что мертв я, не напоминали.

Давайте, прочитав их, печально помолчим...

3

При жизни поэта, да и после его смерти ходило немало слухов и домыслов о некоторых эпизодах его литературной биографии. В частности, о них можно прочитать в статье Николая Старшинова «Последний акrostих Павла Мелехина», опубликованной в книге «Что было, то было...» (Москва, «Звонница — МГ», 1998). Честно сказать, я не хотел возвращаться к этому, но недавно через третьи руки ко мне попала книга «Ко всему устремляясь навстречу...». Собственно, это даже не книга, а рукопись, напечатанная типографским способом в Санкт-Петербурге в 2006 году. В ней собраны стихи из прижизненных сборников поэта «Моими глазами», «Эхо», «Кануны», «Дневник души», а также воспоминания его сестер Надежды и Валентины. Тираж издания указан всего 120 экземпляров. Понятно, что до широкого читателя книга не дошла. И я подумал: слова родных поэта о нем наиболее правдивы и будут интересны всем почитателям его творчества.

Вот фрагменты из воспоминаний сестры Надежды:

«В 1966 году мы переехали жить в Ленинград из Воронежа. Однажды я получила срочную телеграмму: «Литгазете розыгрыш, я жив, здоров. Павел». Я стала искать «Литературную газету» и в одном из ее номеров... нашла там некролог о его смерти. Потом в литературных кругах обсуждалась версия, что это, дескать, он сделал сам. Мы же, его родные, уверены, что над ним кто-то «подшутил»... Как близкий мне человек, он мог бы рассказать хотя бы в последующие годы... Он искренне был расстроен и угрожал поквитаться с «мерзавцем», который его так «позорно хоронит» и которого он обязательно выявит».

«Он мне неоднократно говорил о трудностях напечатания стихов и цензурном вмешательстве. В 1980 году он мне по секрету рассказал, что скоро выйдет книга стихов воронежского поэта М. Касаткина. «Это — мои стихи, — утверждал Павел. — Только Касаткина, как участника Великой Отечественной войны, напечатать быстрее, чем меня. У меня же будут средства к существованию». Он всегда нуждался».

В 1982 году он пишет сестре, что скоро пришлет к ней своего пасынка Мишу, который должен закупить для Павла книжку стихов М. Касаткина «Заповедные годы». Книга печаталась в Ленинграде. Доказательством того, что стихи написаны Мелехиным служит стихотворение «Месяц в городе ночью не виден...», где используется акrostих: начальные буквы каждой строки сверху вниз складываются в уничижительный по отношению к Касаткину текст. «Я знаю, что потом у Павла была ссора с Касаткиным, но мы в эти дела не вмешивались. Все это дело

прошлых лет, и я никого осуждать или обвинять не хочу. Я считаю, что данный факт должен стать достоянием истории», — пишет Надежда.

«Павла хоронили в Мытицах 28 декабря 1983 г. 23 декабря Женя получила информацию от правоохранительных органов, что ее муж погиб. Смерть наступила от падения его с 9-го этажа из окон своей квартиры. Здесь, на улице Терешковой в Мытицах, он постоянно не жил, а жил у жены в Пушкино; а поехал в Мытищи 21 декабря на какую-то встречу (так он сказал Евгении). Главная версия, которая впоследствии обсуждалась в литературных кругах и средствах массовой информации о его смерти — это самоубийство. Были и другие предположения. Правда, вплотную этого никто не изучал».

* * *

Стихи Павла Мелехина вошли в разные антологии, составленные Евгением Евтушенко, Николаем Старшиновым, Владимиром Костровым, Геннадием Красниковым... Они были напечатаны в сборнике «Воронеж. Родина. Любовь», вышедшем в Центрально-Черноземном издательстве. О его творчестве выходили статьи в журналах «Москва», «Литературное обозрение», «Подъём», в газете «Комсомольская правда». Известна статья Владимира Гордейчева, которая была опубликована в воронежской областной газете «Коммуна» к 50-летию Павла Мелехина. В ней автор, в частности, пишет: «Имя и дело самобытного лирика принадлежит без изъятия — народу». Возможно, сказано излишне пафосно, но, по сути, верно.

А как мне видится, лучшие стихи поэта все же те, в которых он по-есенински всю душу выплеснул в слова. И эти его слова мы сегодня слышим и читаем, чтобы помнить о нем. Тем более, что повод для этого примечательный: в прошедшем июле Павлу Мелехину исполнилось бы всего 80 лет...

